

Берли Джексон

ЛОТЕРЕЯ

/пер. с англ. Б. Янушевича/

Утро 27 июня выдалось ясное, солнечное, как и полагается в разгаре лета, когда перед всеми домами пышно цветут клумбы и зеленеют сочной травой газоны. На площадь между почтой и банком народ начал прибывать к десяти часам. В тех городах, где жителей было побольше, лотерея растягивалась на два дня, так что приходилось открывать ее 26-го числа, но это селение насчитывало три сотни человек, и они, если приступали к делу в десять утра, к полдню успевали все кончить.

Первыми на площадь, конечно, прибежали дети. Каникулы начались совсем недавно, дети еще не привыкли к тому, что до осени они могут не думать о школе, и поэтому их шумные игры частенько прерывались не менее шумными спорами об отметках и учителях. Но сегодня они, по-видимому, не собирались ни играть, ни спорить. Бобби Мартин бросился подбирать валявшиеся на площади булыжники и раскидывать их по карманам. Остальные ребята последовали его примеру, выискивая самые круглые и гладкие камни, а братья Джонс и Дики Делакура даже сложили свои камни в кучу на краю площади и охраняли ее от набегов других мальчишек. Тем временем девочки сгруппировались в сторонке и что-то негромко обсуждали, поглядывая на суетящихся ребят, и только малыши как всегда возлились в пыли или цеплялись за платья и за руки старших сестер.

Немного погодя на площади собрались мужчины. Присматривая за самыми маленькими, они повели степенную беседу о видах на урожай, о погоде, сеялках и налетах; ни привычных грубых шуток, ни громкого смеха слышно не было. Вскоре начали подходить женщины, одетые в выцветшие домашние платья и старенькие кофты. Здороваясь друг с другом и на ходу обмениваясь новостями, они присоединялись к своим мужьям. Матери тут же принялись скликать детей, но те отрывались от своих дел неохотно, только после четвертого или пятого напоминания. Расшалившийся Бобби Мартин проскользнул под

рукой подошедшей матери и, хохоча, ринулся было к груди камней, но тут его строго позвал отец и, притихнув, Бобби вернулся и стал рядом с ним.

Лотереей, как и клубом для подростков, танцами и празднованиями Дня всех святых руководил мистер Саммерс, которому на общественную работу хватало сил и времени. У этого круглолицего, добродушного человека детей не было, а жена славилась сварливостью, и поэтому к Саммерсу все относилось с симпатией и сочувствием. Когда он с черным ящиком в руках появился на площади, по толпе пронесся легкий шум. Мистер Саммерс приветственно махнул рукой и сказал: "Сегодня мы, кажется, немного запаздываем." За Саммерсом шествовал почтмейстер Грейвс с трапезной табуреткой, которую он поставил в центре площади. Саммерс водрузил черный ящик на табуретку, а затем, обратившись к толпе, попросил кого-нибудь в помощники. Какое-то время люди неуверенно переминались и, наконец, вперед вышли двое — мистер Мартин и его старший сын Бакстер. Им велели держать ящик, чтобы Саммерсу удобнее было перемешивать сложенные в нем бумажки.

Этот ящик был сделан в незапамятные времена, еще до рождения Уорнера — старейшего человека в городке, и теперь стал совсем ветхим: с одного бока он треснул, так что видно было некрашенное дерево, а в других местах краска облупилась. Мистер Саммерс часто напоминал согражданам, что нужен новый ящик, но никому не хотелось отказываться от последнего символа древних традиций. По рассказам знающих людей, этот черный ящик сделали из обломков ларца, который служил первым людям, поселившимся в этих местах.

Мистер Мартин со своим старшим сыном Бакстером крепко держали ящик на табуретке, пока мистер Саммерс тщательно перемешивал бумажки. Поскольку многие правила ритуала позабылись, Саммерсу удалось заменить бумажками те ценки, которыми нестарки пользовались в лотерее. Ценки, разъяснял Саммерс, были удобны тогда, когда всех жителей городка можно было пересчитать по пальцам. Но сейчас их число

перевалило за триста, и останавливаться на этом они, как видно, не собираются, значит, деревняки не годятся — не помещаются в ящике. Вечером, накануне лотереи, Саммерс и Грейвс нарезали квадратики бумаги, сложили их в ящик, затем отнесли его в контору Саммерса и заперли в сейфе. Отсюда следующим утром Саммерс должен был доставить ящик на площадь. Все остальное время ящик хранили, где придется: один год он провалялся в амбаре Грейвса, другой год Саммерс пользовался им вместо подставки для ног, а чаще всего, его клали на полку в бакалейной лавке Мартина.

Лотерея требовала тщательной подготовки. Нужно было составить списки глав семейства и членов каждого семейства. Нужно было по всем правилам привести к присяге председателя лотереи, мистера Саммерса, — эта обязанность возлагалась на почтмейстера, мистера Грейвса. Некоторые еще помнили, что много лет назад лотерея открывалась каким-то диковинным заклинанием, заунывным причитанием без всякой мелодии, возглашать которое полагалось председателю; одни утверждали, что он распевал, стоя на месте, другие доказывали, что ему непременно следовало рассказывать среди собравшихся — как бы там ни было, годы похоронили этот обычай. Старожилы также рассказывали, что раньше председатель обращался с традиционным приветствием к каждому, кто подходил тянуть яребий, но время отменило и это правило. Теперь председатель ограничивался краткой напутственной речью ко всем участникам лотереи. Мистер Саммерс ловко и легко справлялся со своими обязанностями. Сейчас, небрежно положив руку на черный ящик, он вел какие-то бесконечные переговоры с почтмейстером Грейвсом и обоими Мартинами. Одетый в синие джинсы и белую рубашку, Саммерс выглядел очень представительно.

Наконец, Саммерс кончил беседовать со своими помощниками и повернулся к толпе. Как раз в этот момент в толпе торопливо подошла миссис Хатчинсон в наброшенной на плечи кофте и присоединилась к стоявшим. "Я совсем позабыла, что сегодня за день", — сказала она миссис Делакуру,

и обе негромко рассмеялись. "Я-то думала, что мой муженек складывает дрова,- продолжала миссис Хатчинсон, вытирая руки фартуком,- а когда выглянула в окно- смотрю, и детей нет; тут меня и осенило, что сегодня ведь двадцать седьмое- я бросилась сюда со всех ног". "Ты все равно не опоздала",- успокоила ее миссис Делакура.

Миссис Хатчинсон встала на цыпочки, всматриваясь в толпу, и отыскивала глазами мужа и детей, которые стояли в первом ряду. Прикоснувшись в знак прощания к плечу миссис Делакура, она начала протискиваться к своим. Люди добродушно расступались перед ней, а двое или трое громко объявили: "Вот идет твоя хозяйка, Хатчинсон", "Била, она все-таки вспомнила". Миссис Хатчинсон стала рядом с супругом, и мистер Саммерс, который ждал, пока все успокоится, весело сказал: "А я уж думал, что нам придется обойтись без тебя, Тэсси". "Не могла же я бросить грязную посуду на столе",- улыбнувшись ответила миссис Хатчинсон, и в толпе раздались смешки.

"Итак,- уже серьезным тоном произнес мистер Саммерс,- пора начинать, иначе мы не успеем сегодня поработать. Кто не явился?" "Дунбар,- раздалось несколько голосов.- Дунбара нет".

Саммерс заглянул в список. "Крайд Дунбар. Все правильно- он ведь сломал ногу. Кто будет тянуть за него?" "Я, наверно",- отозвалась одна женщина и Саммерс повернулся к ней. "Жена тежит за своего супруга,- объявил Саммерс.- Джени, нет ли у тебя взрослого сына, который мог бы выполнить эту обязанность?" Хотя мистер Саммерс и все остальные прекрасно знали, какой будет ответ, руководитель церемонии обязан был задавать вопросы по всей форме. Саммерс ожидал ответа миссис Дунбар с выражением вежливой заинтересованности на лице.

"Хорасу всего шестнадцать,- произнесла миссис Дунбар огорченно.- Так что в этом году я буду за мужа".

"Хорошо",- сказал мистер Саммерс и сделал пометку в списке. Затем он снова спросил: "Уотсон-младший будет

участвовать в этом году?"

Стоявший в толпе высокий парень поднял руку. "Я здесь, — громко сказал он. — Я тяну за мать и за себя." Он напряженно заморгал и опустил голову, когда услышал восклицания: "Молодчина, Джек", "Твоей матери теперь не о чем волноваться".

"Итак, — объявил Саммерс, — кажется, все в порядке. Старик Уорнер пришел?"

"Здесь", — откликнулся голос из толпы, и Саммерс кивнул.

х

х

х

Мистер Саммерс отмахнулся и посмотрел в список. Толпа сразу стихла. "Мужичонок! Все готовы? — громко воззвал он. — Сейчас я буду называть имена — сначала глав семейств, — и каждый, кого я назову, пусть подходит и берет бумажку из ящика. Не разворачивайте свои бумажки до тех пор, пока я не скажу. Все понятно?"

Люди уже столько раз совершали эту процедуру, что почти не слушали указаний председателя; они стояли молча, некоторые облизывали губы. Тогда мистер Саммерс поднял руку и выкрикнул: "Адамс!" От толпы отделился мужчина и подошел к табуретке. "Привет, Стив", — сказал Саммерс. "Привет, Дик", — ответил Адамс, и оба напряженно улыбнулись. Затем Адамс запустил руку в черный ящик и вытащил сложенную бумажку. Крепко захватив ее в кулаке, он почти бегом вернулся на место и стал чуть поодаль от своего семейства, стараясь не глядеть на руку.

"Аллен", — продолжил Саммерс. "Андерсон... Бентам..."

"Лотереи теперь идут прямо одна за другой", — заговорила миссис Делакруа с миссис Грейвс — они обе стояли в последнем ряду. — "У меня такое ощущение, будто предыдущая была неделю назад."

"Да, время летит, как сумасшедшее", — вздохнула миссис Грейвс.

"Кларк... Делакруа..."

"Мой старик пошел", — сказала миссис Делакруа. Затаив дыхание она смотрела, как муж выходит вперед.

"Дунбар", — вызвал Саммерс, и миссис Дунбар степенным шагом приблизилась к ящику. "Давай, Джени", — подбодрила ее одна из женщин.

"Мы — следующие", — сказала миссис Грейвс. Она неизменно взглядом следила за мистером Грейвсом, пока он подходил к табуретке, почтительно здоровался с мистером Саммерсом и вытаскивал из ящика бумажку.. Теперь бумажки были уже у многих мужчин, они зажимали их в своих больших, нервно подергивающихся кулаках. У миссис Дунбар, которая стояла с двумя сыновьями, тоже была бумажка.

"Харберт... Хатчинсон..."

"Иди, Билл", — подтолкнула мужа миссис Хатчинсон и стоявшие рядом люди рассмеялись.

"Джонс".

"Мне уже несколько раз говорили, — обратился Адамс к старику Уорнеру, — что в северных поселках собираются отменить лотерею".

"Дураки, — фыркнул старик Уорнер. — Послушать эту молодежь, так им все не нравится. Потом они захотят вернуться в пещеры, чтобы никто не работал — покинуть так для разнообразия. Ведь даже поговорка есть: "Придет лотерея, кукуруза созреет". Лотерея была всегда, — добавил он раздраженно. — И так противно глядеть, как этот молокосос Джо Саммерс со всеми панибратствует."

"Все равно в других местах лотереи забросили", — ответил мистер Адамс.

"Вот и ничего хорошего,- решительно заявил старик Уорнер.- Рехнулись они там".

"Мартин..." Бобби Мартин увидел, как его отец шагнул вперед. "Овердайт... Дерек".

"Побыстрой бы они,- сказала миссис Дунбар своему старшему сыну.- Скорей бы кончали". "Уже почти все",- ответил тот.

"Готовься побежать к отцу",- предупредила миссис Дунбар.

Мистер Саммерс выкрикнул свое собственное имя, сделал шаг к ящику и аккуратно вынул из него бумажку. Затем продолжил: "Уорнер".

"Семьдесят седьмой год играю в лотерею,- пробормотал старик Уорнер, пробираясь сквозь толпу.- Семьдесят седьмой".

"Уотсон". Длинный парень неуклюжей походкой приблизился к ящику. Кто-то сказал: "Не робей, Джек", а Саммерс добавил: "Не прогадай, сынок".

х

х

х

После этого наступила долгая пауза. Казалось, все затановило дыхание. Наконец мистер Саммерс поднял свою бумажку и скандовал: "Давайте, ребята". Какое-то мгновение никто не шевелился, а потом все одновременно развернули бумажки. Женщины сразу зашумели: "Ну, что?", "У кого?", "Дунбарам попалась?", "У Уотсонов?". Затем явственно определились голоса: "Хатчисон выиграл, Билл", "Биллу Хатчисону она попалась".

"Беги, скажи отцу", - приказала миссис Дунбар своему старшему сыну.

Взгляды один за другим обратились в сторону семейства Хатчинсонов. Билл Хатчинсон застыл, уставившись на булавку в руке. Вдруг Тэсси Хатчинсон крикнула Саммерсу: "Вы не дали ему времени выбрать, я видела! Это несправедливо!"

"Будь человеком, Тэсси", - сказал Билл Хатчинсон.

"Итак, друзья, - ~~хатчинсоны~~, - мы довольно скоро уступили Саммерсу, но нужно поспешить и довести дело до конца". Он взял другой список и посмотрел в него. "Билл, ты выступаешь от лица своей семьи. Вместо тебя никто ведь не имеет на это права?"

"Есть еще дом и Бэа, - не успокаивалась миссис Хатчинсон. - Пускай они поспешат!"

"Дочери тащат вместе с семьями своих супругов, Тэсси, - успокаивающим тоном произнес Саммерс. - Это всем известно".

"Вы все провели неправильно, - настаивала Тэсси. "Да, да", - упавшим голосом ответил Билл Хатчинсон. "Моя дочь тащит с семьей своего мужа, так положено. А у меня, кроме малышек, никакой другой семьи нет."

"Значит, - как бы поясняя, воскликнул Саммерс, - от имени семьи выступать можешь только ты, так?"

"Так", - ответил Билл Хатчинсон.

"Сколько у тебя детей?" - задал мистер Саммерс обязательный формальный вопрос.

"Трое, - сказал Билл Хатчинсон. - Вот - Билл младший, Нэнси и Дэйв. Ну и мы с Тэссей."

"Все ясно, - подытожил Саммерс. - Гарри, ты забрал их билеты?"

Мистер Грейвс кивнул и показал ему клочки бумаги.

"Положи их обратно в ящик", - приказал мистер Саммерс. "Не забудь взять у Билла тоже".

"Но мы должны переиграть, - возразила миссис Хатчинсон, стараясь держаться как можно спокойнее. - Я же вам говорю, что это было несправедливо. Вы не дали ему времени выбрать-

- все видели".

Мистер Грейве положил пять бумажек в ящик, предварительно вытряхнув из него все остальные; легкий ветерок поднял их и унес прочь.

"Но послушайте же", - повторяла миссис Хатчинсон, обращаясь к окружающим.

"Готов, Билл?", - спросил мистер Саммерс, и Билл Хатчинсон, бросив взгляд на детей и жену, кивнул.

"Запомните, - сказал Саммерс, - берите бумажки и не разворачивайте их до тех пор, пока все не возьмут. Гарри, помоги малышу Дэйву". Мистер Грейве взял мальчика за руку, и тот бодро подошел вместе с ним к ящику. "Винь из ящика бумажку", - сказал ему мистер Саммерс. Дэйви сунул руку в ящик и засмеялся. "Только одну, - предупредил Саммерс. - Гарри, забери ее у него". Мистер Грейве разжал кулачок мальчика и взял сложенный кусочек бумаги. Дэйви стоял рядом и удивленно на него смотрел.

"Теперь Нэнси", -скомандовал мистер Саммерс. Школьные подруги двенадцатилетней Нэнси тяжело вздохнули, глядя, как она резко шагала вперед и осторожным движением достала из ящика бумажку. "Билл-младший", - объявил Саммерс, и краснолицый Билли, неуверенно двигая своими слишком большими ступнями, чуть не опрокинул ящик, вынимая бумажку. "Тэсси", - сказал Саммерс. Игноренция она колебалась, пытаясь оглядываясь, потом поджала губы и двинулась к ящику.

Она выхватила бумажку и спрятала ее за спину.

"Билл", - позвал Саммерс. Билл Хатчинсон протянул руку и поволил ею в ящике; наконец, он нащупал бумажку и вынул ее.

Толпа замерла. Какая-то девочка прошептала: "Хоть бы не Нэнси", и ее шепот долетел даже до тех, кто стоял с краю.

"Раньше все было не так, - громко произнес старик Уорнер. - Народ испортился". "Ну, ладно, - сказал мистер Саммерс. - Разверните бумажки. Гарри, а ты разверни за Дэйва".

Мистер Грейве развернул бумажку и поднял ее. Но толпе пронесся вздох облегчения: все увидели, что бумажка чистая. Нэнси и Билл-младший развернули свои билеты одновременно, оба просияли и, радостно смеясь, повернулись к толпе, держа бумажки над головой.

"Тэсси", — напомнил Саммерс. Та молчала, и тогда Саммерс посмотрел на Билла Хатчинсона. Билл развернул свой бумажный квадратик и показал его. Он был чист.

"Значит, у Тэсси, — сказал Саммерс неожиданно глухим голосом. — Покази всем ее билет, Билл".

Билл Хатчинсон подошел к жене, разжал ее кулак и взял бумажку. На ней стоял черный кружок, который мистер Саммерс нарисовал накануне вечером в своей конторе. Билл Хатчинсон поднял руку с бумажкой, и толпа зашевелилась.

"Итак, друзья, — возгласил мистер Саммерс, — довершим наше дело."

Хотя из памяти сограждан стерлись правила ритуала и давно был потерян самый первый черный ящик, они не забыли, что им понадобится камень. На углу площади лежала заготовленная мальчишками груда булыжников; к некоторым валявшимся на земле камням пристали клочки бумаги, только что выброшенные из ящика. Миссис Делахруа выбрала такой увесистый камень, что еле смогла его поднять. "Давай, — сказала она миссис Дунбар, — пошевеливайся".

Миссис Дунбар набрала две пригоршни небольших камешков и ответила, задыхаясь: "Мне трудно бежать. Иди вперед, я тебя нагоню".

У всех детей уже были камни, и кто-то дал несколько малышу Дэйву Хатчинсону.

Тэсси Хатчинсон стояла в центре площади, судорожно вытягивая руки. Казалось, она пытается защититься от окруживших ее плотным кольцом людей. "Это несправедливо", — сказала она. В это мгновение чей-то камень попал ей в голову.

"Все давайте, дружно", — подбадривал сограждан старик Уорнер. Впереди толпы выступал Стив Адамс, рядом с ним шла миссис Грейве.

"Так нельзя, это несправедливо!", — закричала миссис Хатчинсон, и тут толпа бросилась на нее.

1948.2.